

***По ту сторону государств и империй:
вождества и неформальная политика****

П. Чэбел

Королевский колледж, Лондон

Г. М. Фейнман

Музей естественной истории им. Филда, Чикаго

П. Скальник

университет Пардубице

В самом начале XXI века был брошен вызов суверенности и доминирующему положению государства. Всего лишь пятьдесят лет назад некоторые ученые предвидели неизбежный или прямой исторический путь к более консолидированным и крупным политиям: мировое правительство, возможно, планетарное государство, по меньшей мере, содружество государств-наций (Carneiro 1978; Hart 1948). Сегодня это воспринимается как полет фантазии. Даже перед лицом революции в телекоммуникациях и мощного процесса экономической глобализации стало очевидным, что в политическом развитии или централизации нет линейной прогрессии. Политические философы могут рассматривать перспективу неуклонного движения по направлению к однородным политиям как желательную или аморальную. Ученые, занимающиеся общественными науками, просто фиксируют силы, противостоящие этому движению, которые могут представлять вполне реальную угрозу государству-нации в том виде, в каком оно развивалось в течение последних двух столетий.

* * *

Глобализация, стремление к демократии, как и новые процессы коллективной идентификации, дали возможность народам лучше осознать различия между нациями, между целыми континентами, а также острые социальные противоречия внутри самих государств. В результате появились различные этнические, региональные, локальные, профессиональные, партийные, политические и общественные идентичности, которые конкурируют с государством и фактически оказывают открытое неповиновение. Подобные образования имеют политический

Чэбел П., Фейнман Г. М., Скальник П. / По ту сторону государств и империй: вождества и неформальная политика, с. 229–243

подтекст, но прикрываются культурными одеждами и подкрепляются экономическими или идеологическими аргументами.

Сегодня в мире насчитывается огромное количество негосударственных организаций, включающее повстанцев-сепаратистов, экстремистские партии, военизированные сети, освободительные движения, международные организованные преступные сети, а также неправительственные организации с амбициями, намного превышающими амбиции большинства государств. Некоторые из недавно созданных религиозных организаций характеризуются такой преданностью их членов, которая государствам-нациям и не снилась. В других частях света некоторые так называемые традиционные формы правления требуют вернуть им власть, которой они лишились с приходом колонизаторов, доказывая, что государство на этой территории – инородное образование, принесенное извне правителями империй, и что общество должно управляться согласно принципам, развивавшимся на данной территории.

Короче говоря, в современном мире существует несметное число политических образований, которые нелегко вписать в рамки принятых категорий государств-наций и которые развиваются путями, не отвечающими стандартным ожиданиям политического и экономического развития (Chabal 1992). Сам факт их существования – вызов привычной концептуализации мирового порядка, а их разнообразная деятельность проверяет на прочность структуру международных систем. В то же время они игнорируют национальные границы и действуют либо на уровне целых регионов, либо в наиболее отдаленных уголках отдельных стран. По нашему мнению, эти группировки и движения объединяет ряд характеристик – политических, культурных, социальных и экономических, – чаще всего связанных с типом негосударственных, мелкомасштабных, неформальных организаций, который часто определяют как вождества.

Давайте приведем несколько примеров. Курдский народ насчитывает 20 миллионов человек, но курдского государства не существует. Конечно же, создание такого государства не приветствуется странами, на территории которых проживают курды, но дело еще и в том, что сильные родственные связи, в основе которых лежат семейные кланы, пронизали всю политическую жизнь курдов и, возможно, послужили причиной разобщенности, препятствующей, таким образом, возникновению государства-нации. Повстанцы из группировки FARC боролись за Колумбийское государство четыре десятилетия. Они фактически контролируют заметную территорию. Однако их идеология антигосударственна и встает вопрос, как определить существующую у них сегодня форму политики и какую форму она могла бы принять, заведя собой всю страну. В Ливане, где центральное государство было относительно слабым на протяжении десятилетий, политическая культура, связанная с разнообразными конфессиональными сообществами, может также рассматриваться как культура вождеств. Более того, недав-

но потерпевшие поражение сепаратисты на острове Бугенвиль в восточной части Папуа Новой Гвинеи создали военизированную форму правления, возглавляемую их «вождем», Франсисом Она. Недавно в Чаде, Сьерра-Леоне или Анголе, а в настоящее время в Сомали или Берегу Слоновой Кости, части каждой из этих стран находятся, либо когда-то находились, в руках политических движений, существование которых в большой степени зависит от выдающихся личных качеств лидеров, военачальников или современных вождей.

Даже когда движение борется за национальную независимость, условия, в которых ведется борьба, требуют непосредственной организации, структурированной по неформальным линиям, которая все же может быть иерархичной. Нам известно о существовании Национального Совета Палестины, но этот публично демократический орган собирается редко. Повседневная политическая деятельность десятилетиями находилась в руках Ясира Арафата и немногочисленной группы его соратников. Каков организационный характер этой группы? Как она функционирует? Имеем ли мы дело с определенного типа самовоспроизводящимся феодальным устройством, на котором была возведена мнимо демократическая доктрина Организации Освобождения Палестины? С другой стороны, нам почти ничего неизвестно о структуре организации ХАМАС, которую можно рассматривать как по сути теократическое вождество, но в других отношениях это широкая сеть сторонников, потенциальных мучеников и террористов-смертников. Нам также мало известно об организационной структуре группировки ал-Каида и связях между идеологическим и исполнительным руководством этой группировки. Наконец, что можем мы сказать о религиозных сектах, таких как культ карго (*cargo cults*) в Меланезии или культ Джонстауна в Гвиане, которые выступают за независимость или просто ведут себя, будто они полностью автономны, «государство в государстве», со своей внутренней структурой, которая напоминает таковую в вождестве?

В современных нациях существует множество коллективных образований или политических группировок, действующих так, словно государства вовсе не существует или, время от времени, работающих в прямо противоположных ему направлениях. В прочно установившихся государствах-нациях, например, в Западной Европе, подобные организации чаще всего имеют форму агрессивных (таких как, например, Гринпис) или тайных группировок вроде масонских лож и религиозных сект (одна из которых недавно заявила о первом успешном клонировании человека). В менее устойчивых или более молодых государствах-нациях так называемого второго и третьего мира конкурентов установленному порядку можно найти среди политических партий, профсоюзов, профессиональных объединений и других образований, многие из которых номинально могут принадлежать к государственной структуре, но организованы людьми, на самом деле не

признающими господство государства. Даже в странах с авторитарным режимом власти (Китай) движения за права человека и свободу вероисповедания обвиняются в том, что они хорошо организованы и политически мотивированы, хотя до настоящего момента не было найдено свидетельств их подрывных антиправительственных целей. На другом конце спектра мы находим группировки, которые планируют и осуществляют государственные перевороты либо паразитируют на государстве и обществе – по модели криминальных сетей и мафии, цель которых – приобретение незаконного богатства, но иногда они могут влиять и на политическую власть, как это было в Италии.

Несмотря на то, что о существовании таких политических групп всем известно и есть даже некоторая информация о том, как они функционируют, их политическая значимость еще до конца не осознана и еще в меньшей степени проанализирована. Не существует адекватной политической теории, способной объяснить подобные тенденции в современном обществе, – хотя и был разработан один подход, рассматривающий «неформализацию» и «ре-традиционализацию» политики в контексте африканского континента (Chabal and Daloz 1999). Современные теории международных отношений также не справляются с осмыслением появления независимых и неформальных негосударственных организаций, игнорирующих государственные границы и действующих с явным пренебрежением к суверенности существующих государств. Даже международный закон оказывается беспомощным перед лицом этих сетей без территории и четких организационных структур. В большинстве гуманитарных и общественных наук существует насущная необходимость в понятиях, с помощью которых можно объяснить эти, по-видимому, новые политические феномены. Углубляясь в прошлое, иногда в очень далекое прошлое, и используя сравнительный междисциплинарный анализ для раскрытия понятия «вождество», можно найти путь к общей теории неформальной политики и, обратно, к новому подходу к теории государства.

ПОНЯТИЕ ВОЖДЕСТВА

Наш подход следует использовать и выстраивать на понятии вождества, сформулированном антропологами и археологами, и применять его для изучения современных негосударственных политических образований и структур. В среде антропологов и археологов, работающих в сфере древней политики, «вождество» постепенно стало центральным понятием. Литература по вождествам является исторически глубокой и глобально сопоставительной (Carneiro 1981; Earle 1997; Feinman и Neitzel 1984). «Вождество» впервые было использовано для характеристики сравнительно небольших управляемых вождями групп в этнографическом настоящем Южной Америки (Oberg 1955) и Полинезии (Sahlins 1958). В таких обществах имеются предписанные формы руководства, а принадлежность в значительной степени основывалась на родстве. К

середине XX в. термин «вождество» вошел в неэволюционистскую схему (Service 1962), где вождества были помещены на эволюционной лестнице на ступень между эгалитарными группами (бэнды и племена) и большими, более бюрократизированными, государствами (Feinman 1996). Обычно в подобных теоретических построениях вождество относят к тем традиционным формам социальной организации, население которых насчитывает десятки тысяч (или менее) человек, которые имеют наследственную (в противовес приобретенной) форму лидерства, цементируются родственными или фиктивными родственными связями и не имеют бюрократических структур. В вождествах обычно имеется только один или два уровня принятия решений над общей массой населения. Отмечается тенденция к преобладанию авторитета над грубой военной силой или институализированной властью (Skalnik 1996, 1999).

Постепенно было признано наличие значительного разнообразия среди вождеств (Renfrew 1974). К примеру, несмотря на то, что одни ученые рассматривали редистрибутивную экономику как одну из их главных черт, другие полагали, что в реальности экономика вождества была намного более разнообразна (1978, 1987). Ключевым моментом было то, что наделенные властью имели доступ к любым ресурсам, необходимым для воспроизводства существующей структуры. Данная характеристика отличает вождества от бигмэновских сообществ, где власть больше связана с харизмой и личными качествами и, следовательно, более ситуативна и менее воспроизводима по прошествии времени. Основываясь на более раннем сравнительном анализе, в недавних работах описываются «корпоративные вождества», в которых правление было сконцентрировано не в руках отдельных вождей, но осуществлялось советниками и иногда было оформлено в виде строгих общественных сводов правил поведения (Blanton *et al.* 1996; Feinman *et al.* 2000).

Имплицитное допущение неэволюционистов о том, что вождества – это ступенька или промежуточная станция на историческом пути формирования государства, также подверглось большой критике. Археологические исследования, часто в сочетании с этнографическими, проводимые в Карибском бассейне, Центральной Америке, в северной части Южной Америки, восточной части Северной Америки, а также в Африке и Полинезии, показали, что вождества существовали веками и даже тысячелетиями (Drennan and Uribe 1987; Redmond 1998). И хотя отдельные вождества могут возвышаться и приходить в упадок, вождество как организационная формация выдерживает испытание временем. В других регионах, таких как доиспанская Мексика и Анды, продукты распада более ранних государств также обозначались как вождества, так как они были сравнительно небольшими, иерархически организованными, но не бюрократизированными (Costin и Earle 1989). Другие же окрестили эти балканизированные политии «малыми государствами» (*petty-states*) или «городами-государствами» (*city-states*) (Brumfiel 1983), с учетом того, что они часто обладают чертами (стра-

тификация, письменность, рынки), нетипичными для вожеств. И хотя подобные соотношения между исторической последовательностью и структурой, несомненно, важны, исходя из организационной политики или политических структур, малые государства и вожества имеют важные параллели. Таким образом, многие вожества, некогда названные нестабильными, оказались устойчивыми и просуществовали на протяжении длительного времени – столетий и даже больше. В других работах описывается историческая временная цикличность между вожествами и более или менее иерархичными формами (Leach 1954; Southall 1956). Важно отметить, что не существует единой однопольной траектории изменения, когда речь заходит о подобных колебаниях (Feinman 1998: 102).

Недавнее увлечение неэволюционистами концепцией раннего государства теперь пошло на спад с осознанием того, что многие из соответствующих политических образований, называемые «королевствами» или даже «империями», в действительности могли и не быть сильными, интегрированными политическими единицами, какими мы их иногда считаем (Brumfiel 1992). Например, значительное число «зачаточных» ранних государств не сохраняло свою целостность, а распалось на более мелкие, но более жизнеспособные единицы, потому что им не хватало необходимых свойств, таких как эффективные механизмы принуждения (монополия на насилие или ее угроза), систематическое налогообложение, полноценная бюрократия или развитая социально-имущественная стратификация. В противовес этому многие централизованные политии существовали веками, даже не развивая черты государства. И все же они обладали наследственными или выбираемыми правителями, называемыми вождями, власть которых опиралась на политическую идеологию, религию и ритуал.

Что касается вождей и вожеств Африки, Океании и некоторых частей Азии и Южной Америки, то они никогда не переставали существовать. Колониальное правление Запада и последующие современные независимые государства были не в состоянии или не считали возможным избавиться от них. Политика «косвенного правления» переводила вожества в более низкую категорию колониальной политики, но, парадоксально, это и позволило им выжить. В некоторых случаях колониальные правители и следующие за ними независимые режимы предпринимали попытки упразднить местные вожества и «королевства». Некоторые из них, такие как хорошо известные Буганда и Моого (в Буркина Фасо), были недавно восстановлены. Тот факт, что эти вожества, кланы или королевства существуют и сегодня и функционируют в тени современного государства, очевидно, не может не заинтриговать. Так как сегодня во многих частях света государство не удовлетворяет основным демократическим ожиданиям, люди обращаются к существующим вожествам за помощью. Люди помнят о долговечности подобных политий и, что более важно, в них учитываются местные корни. Вожества (по

крайней мере, некоторые из них) представляют в этом смысле более надежную политическую систему. Это привело к тому, что западный мир начинает осознавать культурные и социальные особенности менее формальной, открытой политики даже в сфере либеральной демократии. Призыв к автономии в таких унитарных государствах-нациях способен оживить некоторые из принципов более прямой демократии, свойственной некоторым вождествам.

Возвращение вождества на арену мировой политики во многих африканских государствах не было беспроблемным. Например, в Гане «конфликты кланов» тесно связаны с конституционными соглашениями, определяющими отдельные области как историческую территорию вождеств. Однако способность перемещаться и обосновываться где угодно в колониальном и постколониальном государстве создала ситуации, когда «чужаки» поселялись во многих местах, обычно с разрешения местных правителей, но с увеличением их количества росло и напряжение (Skalnik 2002). Еще одно интригующее проявление – вожди и вождества обладают, скорее, большим, нежели меньшим престижем в таких странах, как Гана. Для многих африканцев, получивших современное западное образование, стать вождем – заветная личная цель. В некоторых сложных вождествах Ганы (Ашанти, Гонья) вожди – это обычно хорошо образованные люди, но они не видят никаких противоречий в поддержке идеологии вождества.

В Камеруне вожди, возглавляющие исторически сильные вождества в северо-западной части страны, иногда присоединяются к ведущей политической партии и выполняют важные функции в управлении, но поступают они так, в первую очередь, потому, что хотят защитить и укрепить положение своего вождества. И, несмотря на их заявления о своем нежелании вмешиваться в дела национальной политики, они делают это с целью укрепить и даже увеличить силу и сферу влияния политики своего вождества. Уничтожение апартеида в Южной Африке было воспринято наследными вождями как возможность получить новую роль вне маргинальной и подчиненной позиции, занимаемой ими в политической жизни бантустанов в предыдущие годы. Вожди являются членами национальной организации и соперничают за закрепленные места в различных представительских органах. Их требования, по-видимому, опираются на идеологию и риторику африканского ренессанса. Истинное африканское освобождение для них немислимо без вождей. Проблемы, конечно, могут возникнуть, когда, к примеру, все граждане Южной Африки, говорящие на языке свази, будут считать себя подданными короля Свазиленда, являющегося главой другого независимого государства. Заявление о том, что граждане отдельной страны являются субъектами неотрадиционных вождеств, чье высшее руководство находится в другой стране, – это особенно острая проблема в сегодняшних реалиях политической жизни Африки. В целом, роль и должность вождя часто идеологически

идентифицируются с самой сущностью и выживанием общества – как в некоторых случаях в Африке, таких как ежегодные ритуалы возрождения народа свазии или практика наследования среди членов племени нанумба в Северной Гане.

За пределами Африки вождеская политика, уходящая корнями в традиционное политическое устройство, встречается в арабском мире, особенно в районе Персидского залива, где большинство современных суверенных государств, по сути, являются прямыми наследниками доколониальных вожеств, или эмиратов. В Афганистане и на северо-западной границе Пакистана, в некоторых частях Индии, Бирмы, на севере Таиланда, в Лаосе и даже Вьетнаме существование вождеской политики вполне обычное дело. Бутан – королевство, управляемое как вождество. Недавнее освобождение Афганистана от теократического централизованного правления Талибана позволило укоренившимся вождеским кланам вновь заявить о своих претензиях на власть и бросить откровенный вызов слабому центральному государству под управлением Карзайа. Это не удивительно, так как афганские освободительные движения годами боролись против российской оккупации и талибы изначально были организованы как военные вождества.

В Федеративных Государствах Микронезии некоторые островные государства отвергали идею съезда вождей только потому, что местное население не хотело, чтобы их вожди собирались вместе с современными политиками и руководителями (Peterson 1997). В Полинезии, однако, такие страны, как Западное Самоа и Тонга, являются монархиями, где вожди доминируют или влияют на политику. Глава государства Самоа с 1963 г. – вождь Танумафили II Малиетоа, а *Фоно* (законодательная ассамблея) состоит исключительно из *матаи* (вождей). Тонга официально является независимым государством, но в реальности функционирует как неотрадиционное вождество. Вожди являются главными членами Тайного Королевского Совета, а 9 из 30 членов законодательной ассамблеи – титулованные лица или вожди. На Фиджи, официально являющемся республикой, где местное австронезийское население пытается примириться с многочисленными иммигрантами из Индии, реальной властью обладает Большой Совет Вождей (*Bose Levu Vakaturaga*), учрежденный в 1997 г. Актом по делам Фиджи (*Fijian Affairs Act*). Этот совет вождей назначает и снимает с должности президента и вице-президента и назначает 14 из 32 членов сената. Национальное голосование обеспечивает попадание нескольких вождей в число 71 члена Законодательной Ассамблеи. На управляемой Новой Зеландией Токелау члены Общего Фоно избираются *Таутулега* (Советом Старейшин) с трех атоллов. Наконец, в самой Новой Зеландии сейчас обсуждается некоторая форма юридического статуса для вождей маори.

Как следует из всех этих примеров, вождества оказались более долговечными и стабильными, чем изначально полагали неоеволюционисты. Вождества не только дожили до настоящего времени, но в

странах, где государство пришло в упадок или не справилось с выполнением даже минимальных обязанностей, вождества все более активно берут на себя политические функции, подтверждая ту важную социальную и культурную роль, которую они всегда играли. Неудивительно, что сторонники вождества делают акцент на долговечности и схемах выработки консенсуса в процессе принятия решений как двух наиболее важных характеристик данной формы политического устройства. Интересно, что сторонники негосударственных, более неформальных организаций на Западе призывают именно к укоренившимся в культуре и непосредственным формам социального и политического взаимодействия.

По этой причине научные споры о вождествах в прошлом и настоящем являются полезной основой для рассмотрения разнообразных радикальных движений, балканизированных политий, военизированных группировок и зарождающихся негосударственных образований, функционирующих в мире сегодня. Эта основа должна помочь нам проверить широко распространенное предположение, что подобные образования являются отклонениями от нормы, внутренне нестабильны или вряд ли переживут своих нынешних лидеров. Разве невозможно предположить, что вождества могут быть долгожителями и в наше время, так же, как и в прошлом? Если говорить об известных нам вождествах, то каковы экономические основы, обеспечивающие их продолжительное социальное воспроизводство, и какие внутренние или внешние процессы способны подорвать их целостность и устойчивость? Вождества уже не определяются одной только редистрибуцией, но обладает ли экономика вождества специфическими чертами, отличающими его от экономики государства? Что можно сказать о природе и видах имущественного неравенства, и каким образом оно влияет на развитие вождества?

Археологические и исторические исследования уже показали, что историческая последовательность и условия, предшествующие появлению, могут находиться в определенном соотношении с различными моделями вождеской организации и структуры. Например, в высокогорных областях Центральной Мексики малые государства или вождества, процветавшие после упадка урбанизированного государства в Теотиуакане (700–1300 гг. до н. э.), имели четко выраженный слой элиты, обладали письменностью и к концу этого периода, как раз предшествовавшего подъему империи ацтеков, были вовлечены в сеть региональных торговых отношений (Brumfiel 1983). Подобные черты обычно нетипичны для вождеств, предшествующих возникновению или утверждению государства. Как это знание может пригодиться сегодня? И обратно, может ли изучение современных вождеских образований и их отношений с существующими государствами пролить свет на то, что произошло в Мексике много веков назад?

Какое воздействие могут оказать на сегодняшние небольшие иерархические группы историческая случайность и новые технологии, такие

как письменность и спутниковая связь? Многие прежние вождества хотя бы частично зависели от личных взаимоотношений; означает ли это, что правление вождя всегда основывалось на авторитете, а не на грубой силе? Подобные вопросы обсуждаются сегодня в отношении пуштунского мира, где большая часть населения безграмотна, а легенды о героических подвигах сохраняются в устной форме. Усложняет ли контроль над политической ситуацией использование боевыми командирами спутниковой связи, когда личные встречи организовать затруднительно?

Какие средства традиционно использовали и используют вожди для утверждения своей воли? Каковы организационные последствия деспотии в использовании личной власти, силы, если противопоставить это тирании «справедливости» или большинства? Возможно ли существование вождеств, не представленных конкретным вождем? Одни из нас считают, что некоторые большие пуэбло доиспанского периода на юго-западе США, например, в каньоне Чако, характеризуются иерархичностью процесса принятия решений и были организованы как вождества (Feinman *et al.* 2000). Все же на территории большей части подобных пуэбло многие из признаков власти вождя (богатые погребения и искусно отделанные резиденции) встречаются редко или отсутствуют вовсе. Является ли показательная демонстрация богатства или силы необходимым атрибутом власти вождя сегодня? Или, к примеру, может ли сила религии стать более мощным мобилизующим фактором?

Так как все вождества и прошлого, и современности являются частью более широких сетей по обмену товарами, людьми и идеями со своими соседями, а иногда даже прилегающими государствами и империями, представляется продуктивным исследовать, как такие связи влияли на развитие вождеств. Сказывалось ли географическое положение вождеств относительно государств на способы обеспечения ресурсами? Можем ли мы сказать, что известные нам вождества были более или менее способны просуществовать, располагаясь в непосредственной близости от государств? Можем ли мы определить периоды роста и спада в этих отношениях? Есть ли организационные отличия между вождествами, экономически зависимыми от производственной деятельности (в частности, аграрные экономики), и вождествами, чье существование принципиально зависит от циркуляции товаров и доступа к сетям обмена? Подобными вопросами мы стремимся не только преодолеть дисциплинарные барьеры в академических языках, которые мы используем для описания политической деятельности и процессов, но и создать сопоставимый ряд теорий и вопросов, способных выйти за пределы несколько искусственных границ, отделяющих прошлое от настоящего, традиционное от современного и западный мир от остального.

ВОПРОСЫ, ТЕМЫ, ГИПОТЕЗЫ

Цель повторного рассмотрения работ исследователей в области археологии, антропологии, истории и политики состоит не только в простом

сопоставлении представленных в них определений вождества. Поскольку мы заново оцениваем расстановку сил в современном мире, нам надо знать, в какой мере понимание прошлого может дать нам информацию о сегодняшней ситуации. Встает вопрос: возможно ли более плодотворно изучать многочисленные и постоянно меняющиеся формы негосударственной политики, встречающиеся в мире сегодня, если учитывать историю подобных политий в ранние периоды? Напротив, мы стремимся выяснить, может ли знание о давно исчезнувших политических образованиях стать более важным, если уделять больше внимания фактическому развитию неформальных политий в мире в настоящее время.

Мы бы хотели найти пути решения этой сопоставительной задачи через выявление серии ключевых вопросов, из которых может возникнуть несколько тем. Первый вопрос, вполне очевидно, это вопрос границ, так как можно обнаружить большое разнообразие в понимании вождества в разных областях науки. Хотя нам не следует давать какие-либо предписания по данному вопросу, необходимо согласовать некоторые основные критерии. Насколько большим и рассредоточенным может быть вождество? В какой степени средства коммуникации и транспорт влияют на форму, которую примет группа? До какой степени может увеличиться или, наоборот, уменьшиться такое сообщество, до того как оно перестанет функционировать как вождество?

Поэтому второй вопрос касается вариативности, так как и здесь, очевидно, не существует единой модели. Можно ли сравнивать вождества с сильно отличающимися размерами и масштабом? Законно противопоставлять те, которые просуществовали всего несколько десятилетий, с теми, что существовали столетиями? Насколько далеко мы можем закинуть наши сети? Существует ли риск, что мы распространим понятие на слишком большое число политических группировок, таким образом, подрывая его пригодность в качестве аналитического инструмента?

Все это приводит нас к проблеме динамики, или, скорее, процесса. Иногда приводятся доводы, хотя все менее и менее убедительные, что так называемые традиционные политии были статичными. Даже самое поверхностное изучение подобных групп прояснило бы, что они не более статичны, чем другие, больших размеров или более современные. Тем не менее важно попытаться осмыслить, как развивались вождества прошлого и настоящего, и даже важнее нам понять, какие факторы могли вызывать те значительные или катастрофические изменения, которыми отмечен распад вождеств.

На что указывают подобные вопросы, так это, конечно же, на ключевую проблему взаимоотношений между структурой и следствием. Раз было признано, что неэволюционизм в этом отношении есть не что иное, как тупик, то отнюдь не просто уверенно продолжать движение в направлении возможных причинных связей между двумя этими переменными. Хотя было бы приятно думать, что можно сфор-

мулировать общие правила, историки, вероятно, будут утверждать, что первостепенное значение имеет окружающая обстановка. Вполне возможно, что между структурой и следствием не будет существовать значимой корреляции. Это остается для проверки не только в рамках соответственно нашей дисциплины, но также посредством сравнительного анализа либо существовавших в одну эпоху, либо кросс-исторических случаев.

Помимо этих основных проблем, есть и некоторое количество других вопросов, к которым сравнительное исследование вождеств должно обратиться более конкретно. Первый, и вероятно наиболее важный, это вопрос природы авторитета и власти. Хотя в целом признается, что такие политии основаны на родстве (реальном или мнимом) и что они лишены бюрократии, все еще существует множество возможных форм правления. Каким образом мы определяем типы и уровни власти? Насколько решающими являются личные качества вождя? Какую роль играет харизма? Наконец, каким образом власть воспроизводится на протяжении поколений?

Вопрос власти, естественно, связан с вопросом легитимности. Пока на общем уровне часто утверждается, что вожди должны сочетать земные и магические качества, в реальности как природа этих двух типов власти, так и их сочетание подвержены значительным вариациям. Фактически, вполне может оказаться, что некоторые отдельные вождества не имеют «религии» и вместо этого опираются на другие формы идеологии – национализм или терроризм например – для того, чтобы закрепить и развивать связи, которые делают их законными в глазах своих членов.

Структура властных отношений внутри любого вождества, вполне естественно, связана с его экономической основой. Следовательно, решающим для понимания того, каким образом подобные политии развиваются и сохраняются, является способ получения и использования ресурсов. Здесь также очевидно, что существуют очень большие различия как в способах, которыми они добываются, так и в том, насколько важными они являются для функционирования вождества. С одной стороны, как в прошлом, так и в настоящем существуют стабильные общества, в которых обмен (и/или дарение) ограничен, хотя и, возможно, важен символически. С другой стороны, существуют движения или сети (как мафия), возможно, вождеские по свойствам, но в других отношениях вовлеченные в трансконтинентальную торговлю, подкрепленную одновременно личными и технологическими сетями.

Одинаково важен вопрос редистрибуции. Обычно утверждается, что вождества характеризуются высоким уровнем перераспределения ресурсов. Современные неопатримониальные отношения, например, основаны на способности вождя постоянно подкреплять сети, от которых зависит их власть. Впрочем, мы также знаем, что существует громадное неравенство в вождествах как прошлого, так и настоящего. Существуют ли здесь границы, за пределами которых такие политические единства начинают

распадется? В равной степени, могут ли вождества регулировать значительное благосостояние или социальную стратификацию?

Наконец, есть некоторое количество вопросов, связанных со взаимодействием между вождествами и более сложными политиями – государствами, царствами, империями и т. д. Сегодня, как и раньше, группы, с которыми мы имеем дело, функционируют как на границах, так и внутри таких больших политических единств. Следовательно, нелишне попробовать определить стратегии, используемые вождествами, чтобы плыть по обманчивым водам «международных» отношений. Сейчас, как и прежде, существует постоянная борьба между потребностью вождества в автономии и «империалистическими» амбициями больших политий. Впрочем, вопреки здравому смыслу, борьба отнюдь не неравная. У вождеств есть долгая история существования, доказывающая, что некоторые из их стержневых свойств вполне могут сделать их способными к выживанию и адаптации к превратностям «мир-системы», которой они противостоят.

Конечно, это только некоторые из вопросов или тем, вокруг которых можно провести продуктивный сравнительный анализ вождеств сквозь временные периоды и географические районы. Это, скорее, инструменты для использования, чем предписываемые характеристики, которые мы могли бы надеяться включить в нашу сопоставительную работу. Тем не менее они предполагают возможность разработки методологии, предоставляющей данные о таких небольших, неформальных и легко приспосабливаемых образованиях.

ВЫВОДЫ

Политические формации типа вождеств сегодня очень часто соревнуются с громоздким, сверхбюрократизированным государством за преданность своих членов. Вследствие неформальности своих социальных отношений, личного характера общественной сферы, более согласованного процесса принятия решения и самой природы лидерства, основанного, скорее, на авторитете, чем принуждении, вождества часто оказываются более подходящими для людей в их поиске непосредственных форм управления. Иерархия в вождествах более отчетлива, наследственный или выборный принципы назначения на должности просты и приемлемы. С другой стороны, некоторые вождества могут стать самодостаточными, изоляционистскими элементами социального взаимодействия, которые рассматривают мир вокруг них как враждебный. Таковы криминальные или террористические организации, которые либо желают разрушить государство, либо захватить власть.

Поэтому понятно, что не может быть простого подхода к вопросу о будущем вождества. Пока многие будут утверждать, что они обеспечивают более приемлемый вид политического и социального взаимодействия, другие отпрянут при виде их потенциального вреда. В этой связи оказывается, что вождества, как и любые другие формы челове-

ческих политических институтов, могут быть либо более «демократическими», либо более «тираническими». Хотя не следует смотреть на них слишком идеалистически, как на решение трудноразрешимых политических проблем современности, также было бы неразумно отвергать их как архаические пережитки далекого прошлого, девиантные или мутантные формы в мире, где предполагается господство либеральной демократии.

По крайней мере, мы можем стремиться развивать язык для понимания таких разнообразных и сложных политических группировок, который пересечет границы дисциплин. Или, скорее, даст возможность ученым из различных областей понять работу других, а также создать аналитические инструменты, облегчающие анализ, несомненно, одной из наиболее интересных и устойчивых политических организаций, которые когда-либо существовали в мире.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Впервые опубликовано в журнале *Social Evolution & History*, март 2004, т. 3, № 1, с. 22–40 на английском языке под названием «Beyond States and Empires: Chiefdoms and Informal Politics». Перевод выполнен по указанному изданию.

ЛИТЕРАТУРА

Blanton, R. E., Feinman, G. M., Kowalewski, S. A., and Peregrine, P. N. 1996. A Dual-Processual Theory for the Evolution of Mesoamerican Civilization. *Current Anthropology* 37: 1–14.

Brumfiel, E. 1983. Aztec State Making: Ecology, Structure, and the Origin of the State. *American Anthropologist* 85: 261–284.

1992. Distinguished Lecture in Archaeology: Breaking and Entering the Ecosystem – Gender, Class, Faction Steal the Show. *American Anthropologist* 94: 551–567.

Carneiro, R. L. 1978. Political Expansion as an Expression of the Principle of Competitive Exclusion. In Cohen, R., and Service, E. (eds.), *The Origins of the State: The Anthropology of Political Evolution* (pp. 205–223). New York: Columbia University Press.

1981. The Chiefdom: Precursor of the State. In Jones, G. D., and Kautz, R. R. (eds.), *The Transition to Statehood in the New World* (pp. 37–79). Cambridge: Cambridge University Press.

Chabal, P. 1992. *Power in Africa: an Essay in Political Interpretation*. Basingstoke/New York: Macmillan/St. Martin's.

Chabal, P., and Daloz, J-P. 1999. *Africa Works: Disorder as Political Instrument*. Oxford/Indiana: James Currey/Indiana University Press.

Costin, C. L., and Earle, T. K. 1989. Status Distinction and Legitimation of Power as Reflected in Changing Patterns of Consumption in Late Prehispanic Peru. *American Antiquity* 54: 691–714.

Drennan, R. D., and Uribe, C. A. (eds.) 1987. *Chiefdoms in the Americas*. Lanham: University Press of America.

Earle, T. 1978. Economic and Social Organization of a Complex Chiefdom: The Halelea District, Kaua'i, Hawaii. *Anthropological Papers* 63. Ann Arbor: Museum of Anthropology.

1987. Chiefdoms in Archaeological and Ethnohistorical Perspective. *Annual Review of Anthropology* 16: 279–308.

1997. *How Chiefs Come to Power. The Political Economy in Prehistory*. Stanford: Stanford University Press.

Feinman, G. M. 1996. Chiefdoms and Non-industrial States. In Levinson, D., and Ember, M. (eds.), *Encyclopedia of Cultural Anthropology* (pp. 185–191). New York: Henry Holt and Company.

1998. Scale and Social Organization: Perspectives on the Archaic State. In Feinman, G.M., and Marcus, J. (eds.), *Archaic States* (pp. 95–133). Santa Fe: School of American Research Press.

Feinman, G. M., Lightfoot, K. G., and Upham, S. 2000. Political Hierarchies and Organizational Strategies in the Puebloan Southwest. *American Antiquity* 65: 449–470.

Feinman, G., and Neitzel, J. 1984. Too Many Types: an Overview of Sedentary Pre-state Societies in the Americas. In Schiffer, M. B. (ed.), *Advances in Archaeological Method and Theory*. Vol. 7 (pp. 39–102). New York: Academic Press.

Hart, H. 1948. The Logistical Growth of Political Areas. *Social Forces* 26: 396–408.

Leach, E. R. 1954. Political Systems of Highland Burma. A Study in Kachin Social Structure. Boston: Beacon Press.

Oberg, K. 1955. Types of Social Structure among the Lowland Tribes of South and Central America. *American Anthropologist* 57: 472–487.

Petersen, G. 1997. A Micronesian Chamber of Chiefs? In White, G., and Lindstrom, M. (eds.), *Chiefs Today: Traditional Pacific Leadership and the Post-colonial State* (pp. 183–196). Stanford: Stanford University Press.

Redmond, E. M. 1998. *Chiefdoms and Chieftaincy in the Americas*. Gainesville: University Press of Florida.

Renfrew, C. 1974. Beyond a Subsistence Economy: The Evolution of Social Organization in Prehistoric Europe. In Moore, C. B. (ed.), *Reconstructing Complex Societies* (pp. 69–85). Supplement to the American Schools of Oriental Research 20. Cambridge: Cambridge University Press.

Sahlins, M. D. 1958. *Social Stratification in Polynesia*. Seattle: University of Washington Press.

Service, E. R. 1962. Primitive Social Organization. An Evolutionary Perspective. New York: Random House.

Skalnik, P. 1996. Authority versus Power: Democracy in Africa Must Include Original African Institutions. *Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law* 37–38: 109–121.

1999. Authority versus Power: a View from Social Anthropology. In Cheater, A. (ed.), *The Anthropology of Power. Empowerment and Disempowerment in Changing Structures* (pp. 163–174). London: Routledge.

2002. The State and Ethnopolitical Identities: the Case of Community Conflicts in Northern Ghana. *Nouveaux Mondes* 10: 141–166.

Southall, A. W. 1956. Alur Society. A Study in Processes and Types of Domination. Cambridge: Heffer.